

УДК: 811.161.1'373.612.2

Т. П. Лихач

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
и методики преподавания иностранных языков,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ СРЕДСТВАМИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ И. ШМЕЛЁВА)

Статья посвящена анализу выраженного с помощью морфемно-деривационных ресурсов русского языка эмотивного содержания лингвокультурем как единиц кодирования / декодирования религиозно-культурных смыслов, репрезентирующих бытийную и бытовую основы православной картины мира в дореволюционной России, и интерпретации субъективированной культурной информации на материале автобиографических очерков И. Шмелёва «Праздники», вошедших в роман «Лето Господне».

Ключевые слова: лингвокультурема; эмотивность; текстовая эмотивность; эмотивные высказывания; лексические эмотивы; эмотивные дериваты.

Введение

Феномен *эмотивности* «проникает» разные области знания о человеке, его психофизической природе и языке (физиология и нейроанатомия эмоций, психологическая и лингвистическая теория эмоций). В англоязычных источниках встречается терминологическое сочетание «*emotive language*» («эмотивный язык»), трактуемое как литературный прием: «особый выбор слов, осуществляемый с целью вызвать эмоциональный отклик у читателя/слушателя» [1].

В психологии *эмотивность* определяется как психологическое состояние человека, которое характеризуется повышенной эмоциональной реактивностью, проявляющейся в сильных и глубоких реакциях-переживаниях, как правило, в области тонких эмоций, – тех, что связаны «с душой, с гуманностью и отзывчивостью» [2, с. 112]. Такие эмоции суть отражение глубинных переживаний *эмотивной личности* [3], т. е. чувственной, чувствительной, легко приводимой в состояние душевного волнения. Для нее рефлексия аффективного (эмоционального) процесса зачастую становится метапотребностью.

Если в психологии эмотивность отождествляется с эмоциональностью, то в лингвистике и литературоведении – с «оязыковлением» эмоций. Единицами *текстовой эмотивности* выступают *эмотемы* (термин В. И. Болотова), т. е. эмоционально заряженные сегменты текста, и *эмотивы* (лексемы-трансляторы / лексемы-генераторы эмоциональных состояний).

В фокусе нашего исследовательского интереса – эмотивное содержание лингвокультурем, использованных И. Шмелевым в эмотемах первой части его романа «Лето Господне» при описании цикла религиозных праздников в контексте русской православной культуры [4]. Отсюда определим задачу статьи: раскрыть особенности индивидуально-авторского эмоционального восприятия русской религиозной действительности, вербализованной с помощью производных лексических эмотивов (иначе – эмотивных дериватов), которые в содержательно-смысловом плане являются лингвокультуремами.

Таким образом, объект нашего исследования составили используемые в эмотивных высказываниях И. Шмелева (эмотемах) *лингвокультуремы* как получившие «оязыковление» культуремы, ассоциируемые со специфичными для русского человека атрибутами и сценариями христианских праздников, а предмет – *эмотивное содержание данных лингвокультурем*, в раскрытии которого принимают участие производные слова как с объективированными эмосемами (относящиеся к «лексике эмоций»), так и не объективированными, но передающими субъективные эмоциональные смыслы сквозь призму оценочности, экспрессивности, образности (относящиеся к «эмоциональной лексике» [5, с. 105–106]). Уточним, что, вслед за В. В. Воробьевым, под культуремой мы будем понимать элемент действительности – предмет в широком смысле и даже ситуацию, – присущий определенной культуре [6], хотя культурема есть единица культуры, лингвокультурологии и этнолингвистики, вследствие чего ее дефиниции варьируются.

Методы и методология исследования

Текстовая эмотивность, реализуемая в романе И. Шмелева «Лето Господне», связана с выражением модальности автора-персонажа-повествователя (автора-«ауктора»), главным образом его ценностных ориентаций, подвергшихся эмоциональной рефлексии. Отобранные для рассмотрения в статье лингвокультуремы маркированы эмотивностью и в формально языковом плане представляют собой не только слова (преимущественно дериваты), но и словосочетания и даже предложения-высказывания, описывающие ситуацию. Исследование эмотивных дериватов как средств выражения эмоций и отношений автора к наиболее значимым для него реалиям, а также интерпретация на этой основе «ценностной картины мира в языке» (В. И. Карасик) [7, с. 166–205] выполнены с использованием лингвострановедческого комментария, методов концептуального, семантического и контекстуального анализа, метода сопоставления с содержанием этимологического гнезда.

Результаты исследования и их обсуждение

Эмотивность составляет предметное поле эмотиологии, возникшей на стыке когнитивной психологии и лингвистики и активно развивающейся в недрах волгоградской научной школы «Лингвистика эмоций» (В. И. Шаховский). Данное направление междисциплинарных исследований расширяет горизонты познания внутреннего мира Homo dicens, отраженного в его языке, и с учетом лингвокультурного кода (отсюда – «Лингвокультурология эмоций» как отдельный предмет изучения), позволяя исследовать эмотивные смыслы, выражаемые единицами языка в текстовом пространстве [8].

Поскольку эмоции представляют человеческий фактор в языке, они составляют проблему антропоцентрической лингвистики. Ш. Балли, ван Гиннекен, М. Бреаль выражение эмоций рассматривали даже как центральную функцию языка [Цит. по: 8, с. 13]. В терминосистеме эмотиологии с акцентом на лингвистической репрезентации эмоций понятие «языковая личность» обогащается характеристикой «эмотивная». Эмотивная языковая личность не только склонна к глубоким эмоциональным переживаниям, но и имеет развитую сферу ассоциативно-интеллектуальных чувств, что позволяет ей творчески использовать эмотивный код языка, включая механизм деривации, в процессе языковой рефлексии впечатлений.

Лингвистика эмоций может использовать данные этимологии в случае их релевантности на синхронном срезе: когда изменения в диахронии не привели к потере эмотивных компонентов лексем. Творческой языковой личности, концептуализирующей, вербализующей и коммуницирующей эмоции в (меж)культурном пространстве, важно знать как контексты употребления эмотивов, включая актуализируемые ими интертекстуальные связи, так и их первообразное значение, первоначальную структуру и семантические отношения. В этом плане интерес представляют речевые произведения с высокой плотностью эмотивных лексем, при раскрытии происхождения которых автор текста использует свои исследовательские приемы: историчные и антиисторичные, истинные и ложные, а читателю самому приходится выступать в роли филолога, культуролога, интерпретатора.

Эмотивность – заметная черта характера автора-«ауктора» Ивана Шмелёва. В первой части романа «Лето Господне» – «Праздники» – он раскрывается как впечатлительный мальчик, испытывающий особую, чистую радость от общения с природой, отцом, воспитателем Горкиным, – всем и всеми теми, в которых осязаемо присутствие Божье. Внешнее проявление этих чувственных реакций – в слове, в эмотивных высказываниях автора и других персонажей, особенно Горкина. «Филёнщик» Горкин – и реальный человек, и собирательный образ праведника, а назван он филёнщиком за чистую работу рук и, добавим, ума. Экзегетические разъяснения Горкина не сродни гомилии проповедника; его речевое поведение – отражение духоносной русскости святого простеца, рожденного свыше от слушания наставок [4, с. 82] (т. е. наставлений) бабушки и священных слов: *наставки* ← от *наставлять* (на путь истинный).

Проанализируем лингвокультуремы, репрезентирующие атрибуты и события круга христианских празднеств сквозь призму эмотивности.

Масленица-жирнуха – лингвокультурема, которая в структурном плане является композитом. Здесь высвечивается грубоватый (за счет стилистически сниженного суффикса *-ух-*) аллегорический образ Масленицы, любящей сытость и проказы (ср.: *толстуха, молодуха*); как сущность, не вписывающуюся в настрой Великого поста, ее изгоняли «священным» паром в Чистый понедельник: *«Где она у тебя тут, Масленица-жирнуха... мы ее выгоним»* [4, с. 10]. В словесном компоненте *жирнуха* корень *-жир-* актуализирует переносные значения: «самонадьянность, спесь и лишняя затѣи, на богатствѣ основанныя» [9, с. 542–543]. Теперь, когда «душа начнется» (т. е. жизнь в воздержании), Масленицу надо «выкуривать!» [4, с. 9]. Для русского черта между Масленичным разгулом и воздержанием не расплывчата. *«К ночи пьяные навалились, – катать! Маслену скатываем!»*

[4, с. 13] – в *Маслене* угадывается образ охочей до игры бойкой девки, которой житье-жиры. Но жировые затеи заканчиваются проводами *Масленой*: «справили Маслену... нагрешили...» [4, с. 160]; и, хотя вчера еще ломились на горы, сейчас – «Горé имеим сердца».

К лингвокультуремам, репрезентирующим реалии Великого поста, относятся: *постная лампадка* – лампадка «голога, т. е. не цветного или окрашенного стекла» (намек на воздержание), которой гореть до Светлого Дня [4, с. 10]; *постный благовест* – «жалостный колокол», плачущий по грешной душе, слабый и томительно позывающий [4, с. 11, 39, 40]; *великопостные тарелки* – «расхожие», «с пятнышками-щербинками», т. е. нарочито неизысканные; *великопостные ризы* – «черные с серебром» (символ неотмирности) [4, с. 10–12]. Тяжело «переламываться»: теперь всё строго, скудно, а значит и мрачно, но читай *великопостную молитву* (молитву святого Ефрема Сирина) – «вот и будет весело» [4, с. 10]. Поразительна эмоциональная рефлексия этой молитвы, строящаяся на корневых повторах (-рад-, -свет-): «*Радостное до слез бьется в моей душе и светит от этих слов. <...> Радостная молитвочка! Она радостным светом светит в эти грустные дни поста*» [4, с. 11]. Дериват «молитвочка» прямо выражает восторженную радость. Вот только *постный рынок* не нагнетает уныния: «*Весело у нас, постом-то?*»; «*Пост, надоть повеселить робят-то*» [4, с. 36–37]. Постное меню и товар на *постном рынке* такой разнообразный, что вызывает недоумение у мальчика: «*И почему все такие скучные? Ведь все – другое, и много, и много, так много радостного*» [4, с. 12]. *Великопостный сахар* пестрит разноцветьем: он зеленый, розовый, красный, лимонный, а *постная овечка* (пряник) – беленькая [4, с. 38–39]. Именно в непривычных для нас коллакациях (в сочетании со словами *сахар, овечка, рынок, лампадка* и др.) происходит концептуально-эмоциональное приращение смыслов, модифицирующих лексическое значение дериватов *постный, великопостный*. (Отметим лишь наиболее известные современному носителю русского языка лексико-семантические варианты слова *постный*: 1. Не скоромный (о пище); 2. Хмурый, скучный (о физиономии).) Эмотивный потенциал данных дериватов в указанных контекстах раскрывается за счет трансляции следующих эмосем: «нарочито простой, уводящий от наслаждений в глубины созерцания грехов» (~ тарелки, ~ лампадка); «мрачно-торжественный» (~ ризы); «заунывный, вызывающий душевное томление» (~ благовест); «радостнотворный, животворящий» (~ молитва); «игривый, веселящий» (~ сахар, ~ овечка).

Главным кулинарным атрибутом поста, веселящим душу и утробу, является *бараночка*, а вслед за ним – *грешнички*: «*Я радостно прижимаю горячую вязочку к груди, у шеи*» [4, с. 26]. Баранка везде: «*высоко, в бунтах*», «*ходят в хомутах-баранках*», «*на шее ожерелка из баранок*»: «*Во пост-то!... – весело кричит Мураша, – пошла бараночка*» [4, с. 38]. Баранки, сушки – бунтовой товар, т. е. продающийся бунтами, связками, – хлебных изделий в пост должно быть много. Происхождение слова польское (*obwarzanek* – «баранка»), возможно, через посредничество белорусского «абаранак» [10]. Поскольку баранки готовили из обваренного теста, известно и название «обваранки» (из *ob-variti). Изменение в «баранка» произошло по причине вторичного сближения с бараньим рогом [10]. «Рогообразные» мотивы при изготовлении сдобы, причем не только в царской России, отсылают к культурным смыслам изобилия, но бараночка в пост – это еще и символ жертвы (возможно, даже намек на заклание Пасхального Агнца – всё определяется общекультурной компетенцией читателя, его смыслообразующей потенцией). Дериват *грешнички* в силу двойственной словообразовательной мотивации вызывает наслоение образов: в контексте это гречневые блины (*грешничек* ← *грешник* ← *гречневый*), но в языковом сознании современного читателя могут актуализироваться и словообразовательные связи *грешничек* ← *грешник* ← *грешный* ← *грех*, поскольку грешнички-блины как факт номинации скрыт культурными пластами. Читатель, которому даже блины ненавязчиво (игриво) напоминают о греховности и необходимости покаяния, творит новые смыслы и моделирует новые эмоции, декодируя культурные слайды прошлого на более глубинном уровне, выходя даже за пределы тезауруса автора.

Дериват *затрапезный*, актуализирующий контекстные значения «темный», «безыскусный», коммуницирует эмоции временной, земной, грусти – это и печаль, и вина, и сожаление о грехе, и «скорбение» в попытке устоять в противлении миру с его соблазнами в акте добровольного самоотвержения. Но грусть здесь – прототипическая эмоция радости: душа предуготовляется к обожению, переоблачению в белые одежды Нового Адама. Пока же всё в церкви «в самом *затрапезном*», т. е. в неотмирном, темном, а *затрапезные платья* – «поношенные, с заплатами» [4, с. 10–12, 23]. Возникает вопрос: если *трапезничать* значит «сидеть за праздничным объедом», то почему одетое для трапезы (*трапеза* – «столь» → «столь съ пищею» → «комната, гдѣ объдаютъ» → «престоль въ алтарѣ» [11, с. 426]) *затрапезное платье* не предполагает ничего роскошного?

Устаревшее церк. слово *трапéзный* относится к святой трапéзе, что предполагает простоту и безыскусность; отсюда *затрапéзное платье* – «будничное, ненарядное». Словосочетание «затрапéзный вид» со временем приобрело коннотации *разг., неодобр.* – так характеризуют неопрятного человека. Нарочито одетая в Чистый понедельник на Ивана «курточка с продранными локтями» такой вид не создает [4, с. 12], ведь через ущемление плоти рождается новый – «в духе» – человек.

Неизвестна, но небезынтересна современному носителю русского языка лингвокультурема *ефимоны*, имеющая варианты *ифимоны, мефимоны, нефимоны*, а в тексте репрезентированная дериватами *их-фимоны, филимоны. «Ехать к ефимонам»*, т. е. «к великому повечерию на первой неделе поста», было обычным для русских православных. Происхождение слова греческое, предполагающее связь с *ефимнион* («припев») и с *мефимон* («с нами Бог»); в Древней Руси слова *мефимоны* и *нефимоны* употреблялись в последнем значении [12]. В социальном просторечии, в силу рэтимологизации, облик слова *ефимоны* искажается: у Горкина – «их-фимоны», у Марьюшки-кухарки – «филимоны», будто «филин и лимоны» [4, с. 18]. Эти слова для Ивана – «таинственные», «священные», но радость от разбирания таких слов (вербальной рефлексии) пробивает священный страх. Он даже в Символе веры «чаю Воскресения мертвых!» слышит радостный призыв дать мертвым чаю [4, с. 19]. И. Шмелев ассоциирует ефимоны со стоянием как видом церковной службы, отправляемой стоя: «*И начались ефимоны, стояние*» [4, с. 23]. Коль стояньем (терпением) города берут, стояние на молитве приносит духовную прибыль: «*Их-фимоны, стояние... как будто та жизнь подходит, небесная, где уже не мы, а души. <...> Потому и стояние, и ефимоны, и благовест печальный <...>*» [4, с. 19]. Иван осознает: время не для пустозвонной радости, а для размышлений в терпеливой сосредоточенности ума, что выражено в как бы замедляющих течение времени словах *скорбеть, помышлять* (книжн., высок.), обозначающих рефлекслируемые эмоции («*надо скорбеть и не помышлять*» [4, с. 20]), да не получается: «*думается во мне*», что может указывать на зарождение в душе мальчика склонности к философским размышлениям [4, с. 25]. На стояниях Иван переходит в режим взрослого, духовно зрелого человека, для которого противление помыслам неотделимо от гнетущей скорби: стремящийся к святости вступает в духовную брань.

Утраченный в русской культуре символ торжества Пасхи Господней представлен лингвокультуремой *Пасхальная иллюминация*. Мысленно перенесемся в дореволюционную Россию, чтобы увидеть надписи на зданиях церквей и колокольни, иллюминированные стеклянными сосудами со свечильней: *кубастиками, шкаликами, плошками, лампионами* [4, с. 57]. О форме *кубастиков* можно лишь догадываться. Они, скорее, округлые, чем сундуковатые: «кубастый» в словаре В. И. Даля фиксируется в значении «кругловатый и толстый, раздутый, бочковатый» (как *кубась* – «поплавок») [13, с. 209]. *Кубастик* образовано от *кубастый*, а *кубастый* – от *кубась*. Ассоциируясь с *головастик, ухастик*, кубастик воспринимается как нечто живое, задорное. *Шкалик* обычно ассоциируется со стопкой (стопочкой) для спиртного – сосудом самой малой меры (шкалы) в питейных заведениях России [от нидерл. *schaal* – «чаша, шкала»] [14]; известны и более забавные обозначения этой меры: *мерзавчик, малец, читурик, фанфурик*. В произведениях русских писателей, согласно данным Национального корпуса русского языка, используется именно этот лексико-семантический вариант слова. А в романе И. Шмелева слово *шкалик* употребляется в устаревшем «благородном» значении – «конусообразный стаканчик с салом или маслом и фитилем, зажигающийся при иллюминациях» [14] (заметьте, что диминутив содержится в самой дефиниции). Шкалики – разноцветные, горящие – использовались и для иллюминации Московского Кремля. В толковых словарях слово *плошка* также фиксируется в устаревшем значении: «плоский сосуд (обычно из глины) для освещения в форме блюдечка с фитилём» [от *плоский* посредством нулевой суффиксации, словообразовательное значение: «предмет – носитель признака»]. Приведем из словарей контексты использования этого слова, зафиксировавшие реалии тогдашнего русского быта: *зажечь плошки, плосечное освещение, огоньки плошек. Лампионы* [фр. *lampion*] представляли собой разноцветные фонарики для иллюминации. Внутренняя форма слова *lampion* для изучавшего французский язык очевидна при сравнении с однокоренными словами *lampe* (мн. ч. *lampes*), *lampadaire*. Она тем более очевидна при сравнении морфемных структур переводческих соответствий *lamp-ion* и *свет-и-льник*. При восприятии слова *лампион* так или иначе актуализируются ассоциации со словом *лампа*. В эмотемах романа «Лето Господне» наименования вышеперечисленных сосудов, выстраиваясь в единый лексико-тематический ряд «стаканчики для праздничного освещения», получают и коммуницируют добавочные эмосемы – «веселый», «игривый», «зазорный».

Следующая лингвокультурема маркирует реалии, ассоциируемые с праздником Вознесение Господне. Это *Христовы лесенки*, где оба компонента – эмотивные дериваты. Так называлось печенье

в виде лесенки, которое ели «осторожно, перекрестясь» [4, с. 82]. Кусать лесенку нужно было «ступеньку за ступенькой», а сломал ее – «поговей Петровками», т. е. в Петров пост, а то в рай не вознесешься. Данный слово-образ задает интертекстовую проекцию – к «Лествице, или Скрижалям духовным» преп. Иоанна Лествичника, где описаны и изъяснены 30 ступеней восхождения христианина к духовному совершенству. В наше время, однако, образ лестницы связывается с карьерным ростом. Известно достаточно много свободных словосочетаний с притяжательным дериватом *Христов* (~ *ангел, вера, церковь, невеста, мир* и др.), которые семантизируются с опорой на значения их компонентов. Наименование *Христовы лесенки*, если не обладать фоновыми знаниями, вызывает ассоциативные связи, уводящие от референта. Обращает на себя внимание диминутив *лесенки* (не *лестница* и не *лествица*): именно через спаянность компонентов *Христовы* и *лесенки* в составе словосочетания раскрывается что-то личное, хрупкое, дорогое сердцу.

Культура эксплицирована и невербально: через образы, символы, ситуации. В таком случае лингвокультуремой может выступать образ-ситуация «как Авраам Троицу в гости принимал». Декодируется она по-разному разными эмотивными личностями. «У Казанской икона вон... три лика, с посошками, под деревом, и яблочки на древе. А на столике хлеба стопочка и кувшинчик с питием. А царь Авраам приклонился, ручки сложил и головку от страха отворотил. Страшно потому» [4, с. 84] – в речи Горкина страх проистекает из понимания величия Троицостасного Божества, но даже и этот самый величественный образ христианской иконографии, экстраполируясь на реалии жизни русского народа, воспринимается через эмотивный код его языка более смягченно, о чем свидетельствует изобилие диминутивов – дериватов с выраженной семантикой уменьшительности и ласкательности: *посошок* (вместо *жезл*), *яблочки, хлебец, стопочка, ручки, кувшинчик* и др. Здесь эмотивные смыслы эксплицируются напрямую суффиксами, обладающими собственной эмоциональной оценкой. Усердное благочестие Горкина склоняет его в «страхе Господнем» долу, в то время как ребенок Иван невинно-чистой душой радостно устремляется «горé». Для него Святая Троица – «самый веселый образ»: «Сидят три Святые с посошками под деревцом, а перед ними яблочки на столе» [4, с. 84]; «Я смотрю на Святую Троицу, а Она, Три Лика, с посошками, смотрит весело на меня» [4, с. 92]. *Деревцо* не *древо*: это слово коммуницирует эмосемы «хрупкий», «задорный», «нестрашный». И в целом каждый диминутив как бы наращивает эмотивность культуремы-ситуации.

Лингвокультурема *Рождественские волквы*, хотя и вненациональна, осмысливается по-разному: детским сознанием автора – через звуко-семантическое ассоциирование с волками («Волви же со звездой путеше-эствуют!..» [4, с. 106]), ведомыми звездой к Христу, а Он, «светлый-светлый мальчик», «ручкой манит» всех, да и волков с опущенными от стыда хвостами, ведь злые были: «ну и вы входите, нынче Рождество!» <...> «И на душе тепло, от счастья» [4, с. 107]. Иван Шмелев, как и Саша Черный в стихотворении «Рождественское» («В яслях спал на свежем сене / Тихий крошечный Христос»), видит образ Христа-Младенца «с улыбкой, полной ласки». Христос-младенец и ребенок Иван «со-уподоблены»: «Он – в яслях, в маленькой кормушке», а к Ивану придет «кормилка Настя» и «скажет – “выкормочек мой... растешь”...» [4, с. 107].

Заключение

Эмотологическое направление открывает возможности для аффективного познания культурно-исторической реальности и психологии народа по эмотивному коду языка, зафиксированному в словарях, и эмотивному коду образцовых текстов, продуцируемых эмотивной языковой личностью. Эмотивная компетенция автора-«ауктора» И. Шмелёва позволяет достоверно и образно отразить национально-культурные реалии (культуремы) эмотивными средствами языка ушедшей эпохи, в числе которых оказываются дериваты, содержащие реальные (очевидные) и потенциальные эмосемы. К дериватам с эксплицитно выраженной эмосемой мы отнесли диминутивы, указывающие на эмоциональные состояния верующего мальчика. В данной группе нами особо отмечены единицы, репрезентирующие словотворческую способность автора: *наставки* (не *наставления*), *кормилка* (не *кормилица*), *молитвочка / молитовка* (не *молитва*), *выкормочек* – в них, кроме собственно диминутивного значения, актуализированы эмосемы «что-то по-детски наивное, простое, ласково-теплое». К дериватам с имплицитно выраженной эмосемой мы причислили *постный, великопостный, затрапезный, Христов, рождественский, пасхальный, Троица, плошки, лампионы*, поскольку все они раскрывают свой эмотивный потенциал в речевой синтагматике, именно там получая коннотативные и понятийные приращения, что позволяет автору и читателю творить личностные смыслы.

Рассмотренные нами описания эмоционального состояния автора-ребенка, связанные с осмыслением религиозных праздников, можно квалифицировать как эмотивные речевые акты,

которые демонстрируют тесную связь когниции и эмоции. Данная связь раскрывается в форме вербальной рефлексии значимых лично для него слов-понятий, ассоциируемых с духовным миром.

Ядро эмотивности романа «Лето Господне» образуют два противоположных, но часто перемежающихся маркера эмоций радости и грусти в их оттенках. Грусть – от сострадания Христу и грешной человеческой душе, являющая себя в воздержании, радость – от предвкушения счастья в полноте бытия со Христом: «*Путается во мне и грусть, и радость*» [4, с. 57]; «*Мне грустно: Спаситель умер. Но уже бьется радость: воскреснет, завтра!*» [4, с. 58].

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Emotive Language Definition & Examples [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://study.com/academy/lesson/emotive-language-definition-effects-examples.html>. – Дата доступа: 29.01.2024.
2. Леонгард, К. Акцентуированные личности / К. Леонгард [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lib.uni-dubna.ru/search/files/psy_leongard/1.pdf. – Дата доступа: 17.07.2023.
3. Безрукова, В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / В. С. Безрукова. – Екатеринбург, 2000. – 937 с.
4. Шмелёв, И. Лето Господне : роман / И. Шмелёв. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – 448 с.
5. Трубкина, А. И. Эмотивный код художественного текста: лингвопрагматический аспект / А. И. Трубкина // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 94, № 5. – С. 104–110.
6. Воробьев, В. В. Лингвокультурология (теория и методы) : моногр. / В. В. Воробьев. – М. : РУДН, 1997. – 332 с.
7. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – С. 166–205.
8. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : моногр. / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
9. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык – Медиа, 2006. – Т. 1 : А–З. – 699 с.
10. Семёнов, А. В. Этимологический словарь русского языка / А. В. Семёнов. – М. : ЮНВЕС, 2003. – 704 с.
11. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык – Медиа, 2006. – Т. 4 : Р–V. – 683 с.
12. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/039/39425.htm>. – Дата доступа: 19.07.2023.
13. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык – Медиа, 2006. – Т. 2 : И–О. – 779 с.
14. Значение слова «шкалик». Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/значение-слова/шкалик>. – Дата доступа: 10.09.2023.

Поступила в редакцию 14.02.2024

E-mail: antarub@mail.ru

T. P. Likhach

CONVEYING EMOTIVE CONTENT OF LINGUOCULTUREMES BY MEANS OF WORD FORMATION (THROUGH THE EXAMPLE OF AUTOBIOGRAPHICAL ESSAYS BY I. SHMELEV)

The article analyses the emotive content of linguoculturemes conveyed by Russian derivational morphology resources, with the selected linguoculturemes regarded as units of encoding / decoding culture-specific religious content that represent the Orthodox picture of the world in pre-revolutionary Russia. It also provides the interpretation of personalized cultural information through the example of I. Shmelev's autobiographical essays 'Holidays', included in the novel 'The Summer of the Lord'.

Keywords: linguocultureme; emotivity; text emotivity; emotive statements; emotive words; emotive derivatives.